

Надежда Алексеевна Князева

Путь краеведа, или Работа над ошибками

Пусть вас не удивляет такое кочинское, утрированно-литературное название. Когда общаешься с Надеждой Князевой, слушаешь ее воспоминания, перед глазами встает долгая-долгая дорога. Большой непростой путь, пройденный этим человеком.

Мы сидим в ее небольшой квартирке на ул. Островского. Долгими разговоры не получаются – моя собеседница устает. Но к каждой следующей встрече готовится с прилежанием первой ученицы. Перед ней тетрадка с планом: о чем надо рассказать, что упущено в предыдущей беседе. В 2014 году Надежда Алексеевна Князева отмечает 90-летие. И по этому поводу сама стала объектом для исследования. Впрочем, она не обижается. Слишком хорошо понимает, как важны, как дороги эти воспоминания. Этот рассказ – о жизненном пути.

Родилась девочка 22 сентября 1924 года в крестьянской семье. Деревня Большое Троицкое, что в 6 километрах от Рыбинска, была сытой и благополучной. Анна Ивановна и Алексей Степанович назвали дочку Наденькой. В семье четверо детей: брат Александр и две сестренки – Зинаида и Тамара. Мать – колхозница, отец – клепальщик на судоверфи. Ушел глава семейства из жизни рано – заболел туберкулезом и не смог одолеть недуг.

– В моем возрасте, наверное, все вспоминают детство... – говорит Надежда Алексеевна. И смотрит куда-то далеко, туда, наверное, где стоит на левом берегу Волги деревня в двадцать домов, в которой нет ни церкви, ни школы. Но скоро она окажется причастна к огромной стройке: до войны начнут возводить Рыбинское водохранилище, и «великое переселение» из населенных пунктов, подлежащих затоплению, сильно изменит деревенский быт. Новая дорога, электро- и радиофикация преобразят Большое Троицкое.

Семь классов Надя бегала в школу в соседнюю деревню, а старшие классы училась в

Рыбинске. Школу окончила в 42-м году.

Оставшаяся без мужа Анна Ивановна вряд ли подняла бы детей. На подмогу приходили тетки, Надины бабушки. Тетя Сима и тетя Лиза, белошвейки, труженицы и умницы, обе так и не вышли замуж, поэтому в сестрину семью вкладывали и душу, и средства. «Надя, ты должна учиться! Обязательно должна!» – направляла баба Лиза. А с запада уже катилось огненное колесо войны...

– Училась я неплохо, но отличницей никогда не была, – рассказывает моя собеседница. – Когда в 35-ю школу в Рыбинске пришла, очень стеснялась: я была высокая, выше сверстниц, плюс к тому из деревни. Сидела я на последней парте. И вот как-то, помню, учитель математики пришел после контрольной, солидный такой, у него пенсне, взгляд строгий. Он и говорит: «Князева! Ты единственная написала на «5»!» И так мне радостно, такая гордость... История и литература прошли как-то мимо меня. А вот математика нравилась, химия, физика, задачки хорошо решала, и была уверена – мой путь только на физмат.

Воспоминания о тех военных годах до сих пор бередают сердце. Рыбинск периодически бомбили. Налеты прекратились, лишь когда крупные предприятия эвакуировали в Уфу. Навсегда впечаталась в память Надежды бомбежка нефтебазы. Казалось, полыхает все вокруг. Горючее из цистерн выливалось в Волгу, и вода горела тоже.

Надежда Алексеевна вспоминает переправу через Волгу. Моста не было, люди, машины и лошади переправлялись на пароме и на катерках. А по законам военного времени опоздание было смерти подобно. Поэтому всегда давка, всегда нервы. И вот однажды перегруженный катер затонул. Сколько людей погибло...

Повсеместно ввели продуктовые карточки, прилавки магазинов опустели. Мальчишек-одноклассников забрали на фронт. Город погрузился в тревожное ожидание. Церкви заколочены, кругом маскировочные сетки. Днем улицы будто вымирали, а вечером, после смены, их заполняли толпы усталых людей с тяжелыми взглядами.

Несмотря на все трудности и волнения, девушка оканчивает среднюю школу. Мать гордилась дочкой: помощница дома, учится хорошо. И, когда Надя сообщила, что собирается ехать учиться в Ярославль, Анна Ивановна только согласно кивнула. Хотя на сердце было ох как беспокойно... Шел 42-й год.

Но молодежь об опасности думает мало. Надя с подружкой Машей на пароходе отправились в Ярославль подавать документы. Огромный пароход, большая река, красивый город... В институте девчонок отругали: такое время, а вы едете! Можно было бы документы почтой присылать! Но уже черед две недели подруги получают вызов: приезжайте на работу.

Приемные испытания на физмат в Ярославский педагогический институт имени Ушинского прошли на подсобном хозяйстве. Абитуриенты пололи, окучивали, убирали урожай. А 1 сентября сели за парты. Началась учеба.

Ярославль, по сравнению с Рыбинском, бомбили более ожесточенно. Но человек привыкает ко всему, тем более в молодости. Если при первых бомбежках студенты стремглав неслись в бомбоубежище, то потом привыкли, даже с кроватей не поднимались. Учились с

удовольствием. Но внезапно выяснилось, что ни химия, ни физика, ни математика девушку не занимают. Зато лекции по психологии профессора Егорова оставили впечатление на всю жизнь.

От голода спасло деревенское хозяйство. Из дома Надя везла картошку, сушеную свеклу, молоко – все, что можно было дотащить до Ярославля. Знаковое событие того года – она вступила в комсомол и вместе с друзьями сдавала кровь для раненых. Чувство патриотизма и тогда, и сейчас для нашей героини – одно из важнейших. Она считает, что лучшие поступки человек совершает именно из любви к Родине, к своему народу. Кстати, с одним из тех, кто стал родным по крови, девушка долгое время поддерживала отношения.

Здесь, в Ярославле, Надежда Князева получила первый (и последний, кстати) опыт предпринимательской деятельности. Центром притяжения в войну были «блошинные рынки». Имелся таковой и в Ярославле. В конце зимы, когда стало совсем голодно, подружка предложила Наде: «Пойдем торговать нафталином!». Пахучий товар пользовался спросом, но торговля была недолгой. Буквально через несколько минут к продавщицам подошел милиционер и предложил пройти в отделение. От суровой расправы девчонок спас покаянный вид и катившиеся градом слезы. С неудачливыми бизнесменшами провели беседу и отпустили их с миром.

Весна 43-го года принесла не только надежду, но и радикальные перемены в жизни нашей героини. В Ярославский педагогический приехала делегация из Московского института стали и сплавов. Война сильно сократила ряды студентов одного из крупнейших вузов страны, и вернувшееся из эвакуации учебное заведение спешило наполнить аудитории, более того – расширяло набор. Ярославский вуз этому, конечно, не обрадовался, но то было государственное задание! Набирали на второй курс, и студентка Надежда Князева попала в число десяти счастливчиков, получивших престижное приглашение.

Что такое – учиться в Москве? Стипендия, бесплатное общежитие, перспективная работа и, самое главное, столица. С середины июня Надя и еще 119 человек штудировали черчение, химию, физику – согласовывали программы. Отчислили из 120 только одного. Все остальные 1 сентября переступили порог МИСиСа.

Москва поразила девушку просторами и... пустотой. Заборами обнесены места бомбежек, в том числе и район знаменитой Шаболовки. Огромное общежитие института – Дом коммуны, чудо конструктивизма. Аудитории, библиотека, столовая, лаборатории – все вызывало восхищение и почти первобытный трепет. Надя увлеченно училась, хорошо сдавала экзамены и была довольна переменами. Специализация «Мартеновское производство» оказалась, конечно, в новинку, ничего подобного девушка раньше не знала, но упорства ей было не занимать.

Однако безмятежность длилась недолго. В 1944 году студентка Князева отправляется на практику, на лучшую по тем временам производственную площадку – в Магнитогорск. – Как пришли в цех, как я увидела такие громады! Вот тут-то и подумала: а в свои ли ты сани села, Надежда? Как я испугалась этих печей! Но потом смотрю, девчонки ничего, держатся. А я что, хуже что ли? Рабочие смеются: «Девчата, не бойтесь! Кашу варить умеете? Так тут то же самое! То положили, этого добавили, вот и сварилась сталь!» Вопрос правильности выбора будет преследовать Надежду Алексеевну всю жизнь. Пока дело

касалось металловедения, металлургии, конструкции печей, технологии выплавки – тут еще все понятно. А вот электротехника, строительное дело – это давалось тяжело.

Москве Надежда обязана многим. Общественная работа, масса культурных мероприятий. Концерты Козловского и Лемешева, спектакли Малого театра. От московского студенчества навсегда осталась любовь к оперетте.

А вот жить от сессии до сессии было все труднее и труднее. Картошки-то из дома в Москву уже не навозишь... Студенты голодали. Из роскошеств того времени – манная каша с селедкой. Чтобы поесть, девушка сдает кровь. О том, как ходили в коммерческие магазины «подышать», хотя бы ощутить ароматы еды, можно писать отдельный рассказ. Как-то Надежда с подругой (еще одна попытка «левого» заработка) пришли убрать квартиру одинокой пожилой женщины, старой актрисы. Рассчитывали на деньги, в крайнем случае – на еду. Старуха расплатилась с девчонками траченной молью скатертью и фарфоровой статуэткой. У нее тоже не было денег.

Четыре года в МИСиСе – настоящая школа жизни. К выпуску – к 47-му году – студенты так обнищали, что выйти было не в чем. И вот великое счастье: выпускникам дали «отрезы» на пальто, красивую ткань. Надя сама по выкройке сшила пальто и берет. На обувь тоже дали талоны.

И вот такая красивая, в новом пальто и модном берете, приехала молодой специалист Надежда Князева в Енакиево, на Донбасс. Огромный завод, переживший оккупацию, только-только входил в нормальное русло. Из МИСиСа в 47-м году туда приехали восемь человек: двое мартеновцев, остальные – прокатчики.

– Доменный цех, два мартеновских, бессемеровский цех, «блюминг», – вспоминает Надежда Алексеевна. – Работают высококлассные специалисты, люди ответственные, настоящие, патриоты, труженики. Туда нужны были мужики-инженеры, а прислали нас, девчонок. Проблем было много, архитрудно все давалось.

Тема женщины-производственника в послевоенное время до сих пор занимает ум краеведа. Они вставали наравне с фронтовиками, опытными специалистами, слабее физически, но равные по силе духа, в лучшем смысле этого слова героические, не боящиеся никакой работы.

– Вы знаете, когда мы ехали в Донбасс, перед глазами вставала чудовищная картина разрухи. Масштаб трагедии был огромен. Разрушенные, сгоревшие станции, селения, переполненные поезда, вагоны без стекол. За окном – безлесная степь, уцелевшие хутора и села, и наконец встает громада завода. Потом там памятники поставят бойцам, воинам. А надо бы еще памятник женщине в тех степях поставить. Той, которая на быках всю войну пахала, которая в этих цехах сутками вахту несла...

Пыль и ветер, ветер и пыль, набивающаяся в глаза и в рот, скрипящая на зубах, промозглая осень, плавно переходящая в зиму, и тяжелые ставни на окнах как спасение от пыли. Таким запомнилась Надежде Алексеевне осень того далекого 47-го года. Дома, в ярославской деревне, достаток, земля кормит. А тут разруха, голод. Продовольственную проблему решали семечки. Их продавали на каждом углу, и даже офицеры не брезговали изящно

«поплевать семки», виртуозно забрасывая в рот маслянистое лакомство. Грязь и неустроенность шахтерских районов, всеобщая, какая-то осязаемая усталость, подобно вездесущей пыли пропитавшая воздух промышленного района. Здесь девушке предстояло прожить три года.

Скучно не было: сразу комитет комсомола, сразу общественная нагрузка, вечерние дежурства на улице, участие в переписи населения, школа молодого лектора. «Комсомолку» в руки и вперед, в массы, освещать задачи металлургии, решения партии и правительства.

На завод Надежду взяли в мартеновский цех дублером мастера. Приняли молодых специалистов тепло, но вот работы никакой не доверили. Полагалось смотреть, учиться, «мотать на ус». Кстати, нарядное пальто с беретом ей почти не понадобилось – на заводе нужна была спецовка.

– Разливочный пролет мне был знаком, как и весь мартеновский цех. Мне надо было понять состояние оборудования, выполнение графиков ремонтов, действующие технологии. Моя задача – смотреть, как все налажено. Только смотреть, никакой работы нет. Гарь, дым, третья смена... Чуть позже ее переведут в техотдел заводоуправления.

Мысль о «не своих санях» посещала русую голову молодого специалиста все чаще. Но судьба благоволила девушке. Вскоре на завод приехала научно-исследовательская группа из министерства – внедрять новые технологии. И Надежду включают в эту группу. Она наконец-то почувствовала полноправным членом коллектива, нужным человеком. И в этой-то группе нашлась женщина, которая обратила внимание на душевные метания металлурга в юбке. «Если тебе не по душе цех, есть в министерстве вакансии преподавателя в техникумах. Можно переводом оформить, без ущерба для завода!» – говорила новая знакомая. А Надя думала про себя: какой ущерб производству, если пользы от меня никакой! Долго металась, думала, сомневалась. Но все-таки решилась. Написала заявление, получила четыре варианта на выбор.

– Макеевка – это Донбасс. Я туда больше ни за что не поеду. Белорецк и Киров – далеко от Москвы. А вот Выкса... Самое подходящее.

О Выксунском металлургическом заводе Надежда слышала, а вот бывать там не доводилось. И вот 25 апреля потенциальный преподаватель с чемоданчиком и сумкой с книжками вышла из поезда на станции Навашино. С этого момента в жизни Надежды Князевой началась новая страница.

– Мне сказали, что меня встретят. Я выхожу – и никого. А там пересадка, до Выксы три раза в сутки ходил местный поезд с маленькими вагончиками, и отправлялся он с другой платформы. Я бы заблудилась, наверное, но меня спас попутчик, учитель математики из школы №8. С ним я до Выксы и добралась. А тут его встретили, он «испарился», и я осталась одна. Вместо вокзала – сарайчик, паровозики, шум, гам, я со своим чемоданчиком...

Спросила, как пройти в гостиницу, и отправилась. Пешочком, по каким-то закоулкам, до улицы Красные Зори. Нашелся добрый человек, проводил меня до гостиницы. Впрочем, какая там гостиница?! На ул. Корнилова частный домик, восемь коек, и все заняты. «Милая, – говорят мне, – у нас мест нет. Хочешь, на печке ночуй». Конечно, хочу! Забралась я на

печку и уснула...

Утром Надежда пошла в техникум. Тут-то она и разглядела все красоты Выксы, увидела и церковь, и пруд, и баташевский дом, и монастырь. Новое место сразу понравилось. Но особенно порадовало девушку отношение, с которым приняли ее в техникуме.

– Директора техникума, Александра Александровича Козерадского, тогда на месте не было, и меня встретила Екатерина Павловна Соколова, преподаватель русского языка и литературы. Она тогда работала завучем. На улице дождь со снежком, а она такая уютная вся, в горжетке, и у куницы два глазика поблескивают. Очень доброжелательно со мной поговорила, мне дали место в общежитии и сразу же нашли, чем меня занять. Апрель же, год учебный заканчивается, нагрузки нет. Мне поручили руководить производственной практикой, включили в редакцию газеты «Искра металлургов», в самодеятельность. А общежитие располагалось на ул. Островского, дома 28-30. У меня была комнатка с окнами во двор, сейчас там продовольственный магазин. Сама улица – грунтовая, колдобины, где сейчас Вечный огонь, там еще сохранились остатки кладбища, а от парка по ул. Труда шла старая железная дорога, которая соединяла кузницу в монастыре с заводом ДРО.

Надежда Алексеевна рассказывает о Выксе 40-х годов так, словно видит ее и сейчас. Так же она описывает и людей – детально, крупными мазками. Сказывается огромный опыт анализа и обобщения материала.

– Нашего директора я впервые увидела на первомайской демонстрации. Народу – тьма! Козерадский, конечно, ждал педагога-мужчину. Он сам только год проработал директором, ему нужны были опытные кадры.

Техникум того времени для Надежды Алексеевны, пожалуй, самое яркое и светлое воспоминание в жизни. Она называет людей, с которыми довелось поработать: супруги Щепкины, Екатерина Павловна Соколова, Мария Максимовна Войтук, Полина Робертовна Дунаевская... Это они наставляли на путь истинный начинающего преподавателя. Помогали, учили, чаще своим примером.

– Все мы шли на работу – как на крыльях летели. Коллектив к тому времени уже сложился, ядром его были преподаватели, которые работали в годы войны. Много было мужчин-фронтовиков, истосковавшихся по работе. Их порой не выгонишь из лабораторий! Я легко влилась в коллектив. Мне дали преподавать мартеновское производство, общую металлургию и организацию производства. Ребята – прокатчики и мартеновцы. Среди них было много с моего года и чуть младше, многие уже поработали, некоторые даже повоевали. Они были моей опорой, очень помогали мне.

Денег тогда платили немного. Но не все измерялось материальным благополучием. Период расцвета металлургического техникума в Выксе, душевный настрой, с которым шли преподаватели на работу, активная общественная нагрузка – все это давало ощущение причастности к большому и нужному делу. Конкурс в техникум был огромен – три-четыре человека на место. Преимущество отдавали спортсменам – Козерадский уделял спорту большое внимание. Техникум тогда был ведущим молодежным коллективом города, и Надежда Алексеевна чувствовала: есть в этом и ее заслуга, уже есть. Она стала лектором общества «Знание», и первой темой публичной лекции стал жизненный путь Ломоносова.

Перед мартеповцами 2-го цеха прошел ее дебют как лектора. Потом темы атеизма, свободы совести, история монастыря, история завода... Просиживая ночи над конспектами, Надежда Алексеевна еще не знала, что в эти минуты формируется ее будущее увлечение, которому она отдаст свою жизнь без остатка.

Работы наваливалось все больше и больше. Как классный руководитель Надежда Алексеевна должна была регулярно бывать в общежитиях, контролировать, чем в свободное от учебы время занимаются ее ребята. Смотры художественной самодеятельности, спортивные соревнования, производственная практика, спецкурсы – все это входило в сферу ответственности преподавателя.

В 1951 году Надежда Князева вышла замуж, в 52-м родила дочку. И тут – сюрприз. Ее специальность закрывают и предлагают на выбор черчение, технологию металла и экономику.

– Сажу до трех часов ночи, голова трещит, ребенок маленький. Домашние дела заброшены, все кое-как. Но работа все равно нравилась. И к городу я привыкла. Коллектив в 60-х годах обновился, пришли молодые педагоги, было очень интересно. С 1958 года я стала преподавателем химии.

В середине 60-х Надежда начинает первые краеведческие исследования. В 65-м году в городе образовано Общество охраны памятников. Она читает лекции по истории монастыря, по истории завода. И, осваивая материал, Князева натывается на первые в ее работе неточности и ошибки. Кто бы тогда сказал, что именно они – неточности, несогласованности и ошибки – станут для Надежды Алексеевны главной заботой многих лет.

– Читаю «Славную историю», и сразу резануло: «датой основания Выксы принято считать 1757 год». Что значит «принято считать»? От чего отталкивались? Почему данные только за начало 19 века? Дальше – больше. Постепенно накопилось много претензий и замечаний к «Славной истории». А когда я ушла на пенсию в 1980 году, краеведение стало основной работой. Для начала я пошла на курсы экскурсоводов. Полтора месяца два лекции в неделю. Вел их Лев Васильевич Шестеров. Это такой замечательный лектор! Я считаю себя его ученицей. И уверена: все, что он написал, надо издать полностью. До сих пор не все его работы опубликованы. Так вот, о курсах: начинали 30 человек, а закончили нас двое. Почему? Так экскурсантов не было. Но мне повезло: я съездила групповодом в Ульяновск, в Москву, в Киченев...

С 1978 года Александр Александрович Козерадский стал председателем Общества охраны памятников, Князева – его заместителем по пропаганде. Постепенно накапливался материал, он требовал систематизации. Надежда Алексеевна подключила младшую дочку, и они вместе оформили первый альбом по истории монастыря. Фотографии, вырезки из газет, трогательный детский почерк. 21 лист.

– Я хотела охватить все темы! Поручала школам собирать различный материал. Правда, большинство так ничего и не сделали. Мы с Евгенией Дмитриевной Максаковской на двоих взяли тему народного образования. Я – дореволюционный и довоенный периоды, она – послевоенный. Мы надеялись, что в городском музее будет раздел по народному образованию. Документы, что я собрала, передали школе №12. Среди них было около

десятка букварей. Это же слепок эпохи – каждый букварь. Через несколько лет я узнала, что буквари выкинули за ненужностью...

Надежда Алексеевна продолжает разрабатывать свой «конек» – тему атеизма. И по сей день она абсолютно уверена, что говорить о свободе совести, о морально-нравственных аспектах можно и нужно при любой власти, при любом политическом строе. Актуальной оказалась тема «Выкса в годы революции», много лет потрачено на темы «Ленин и Выкса», «Выксунский комсомол». Желание охватить все нередко ставилось краеведу в вину.

– Я часто задумывалась: а верно ли я делаю? Я же видела – темы недоработаны, я брала их, находила в работах предшественников недочеты. Но когда я об этом говорила, встречала в лучшем случае непонимание. И нельзя сказать, что я вот эту тему закрыла и начала другую. Они продолжают. То тут что-то найдешь интересное, то здесь откроется ранее неизвестный факт.

Еще один рубеж – 1984 год. В 83-м начали готовить книгу «Второе рождение». И Надежду Князеву, начинающего краеведа, включили в состав редакции. Дали задание – «походить по спортсменам».

– Я походила. И думаю себе: батюшки, это такая яркая страница нашей истории! Материала собрала много и отдала его Козерадскому. В октябре мне «подкинули» еще одну тему. Великая Отечественная война. На дворе осень 83 года, сроки жмут. И такая ответственная тема! Моя жизнь, конечно, вся проникнута буднями войны, но здесь, в Выксе, я не жила. Меня уговорили. Я взялась, погрузилась, что называется, по самые уши. Особое внимание было уделено материалу по воинским частям, дислоцированным в Выксе. 14 записей сделала. Толстую тетрадку материала отдала тогда редактору, Михаилу Михайловичу Рогову. А когда вышло «Второе рождение», от своей работы я увидела «рожки и ножки». Кстати, в альманахе «Приокская глубинка» напечатан этот материал, правда, в сокращенном виде. А еще у меня есть статья «Как мы работали над книгой «Второе рождение».

Денег за работу над книгой не заплатили, но профсоюз техникума выделил путевку в Кисловодск. Так Надежда Алексеевна побывала на Кавказе. Какое же это было мощное впечатление, какая прекрасная награда!

А потом началась перестройка. Все ждали перемен. Но то, какими они оказались, стало для всех неожиданностью. Краеведческая работа затихла. Надежда Князева продолжает разрабатывать свои темы. Пушкин и Выкса, личность Дмитрия Шепелева, опять тема атеизма. Периодические публикации в местной прессе. Хотя как-то повезло, и Надежда Алексеевна год читает лекции на выксунском радио. 12 месяцев, 12 тем. Рассказывает о краеведах, о знаменитых земляках, о замечательных исследователях, в том числе о Николае Михайловиче Федоровском, знаменитом ученом-металлурге, революционере.

– Это такие люди, такие глыбы! Мне хотелось показать вклад этих людей в историю страны, в ее культуру.

В это время Надежда Алексеевна вместе с Александром Александровичем Козерадским готовит книгу по истории техникума и оформляет музей ВМТ.

В 95-м году в Выксе начали работать над «Летописью боевой и трудовой славы». Надежду Алексеевну не включили в эту редакцию. Но уже к январю 96-го о ней вспомнили и попросили взяться за тему культуры.

– Совсем неразработанная тема! История библиотек, кинофикации, дворцов, краеведения. За один год один человек такую махину как следует разработать просто не может. Этой работой я недовольна. И, когда «Летопись» вышла, я предложила коллегам: давайте сядем, разберем все ошибки. Константин Михайлович Гаркуша мне ответил: «Вот вы и начните!». Я начала! Подготовила целую тетрадку, но хода этой работе так и не дали...

Первая книга краеведа «Прогулки с бабушкой N» (2002 год) получилась как дань курсам экскурсоводов. Надежда Алексеевна водила экскурсии, разрабатывала маршруты, часть материалов печатала в «Выксунском рабочем». Из этих материалов и сложилась книжка. В этом же году краевед при поддержке градообразующего предприятия выпустила книгу «25 рассказов по истории ВМЗ». Этот труд она считает одним из главных в своей жизни. Там много новых документов, разработаны интересные темы, приведено много новых фактов. – Знаете, мне бы очень хотелось собрать книгу по войне – в письмах, воспоминаниях. Показать войну в потной солдатской гимнастерке... А еще хотелось бы книжку по истории с баташевского периода до наших дней, – говорит краевед.

У нее за плечами сотни статей в местных газетах, бесчисленное количество тем, которыми она занималась, альбомы, тетради с наработками и уже законченными работами. В любой момент Надежде Алексеевне можно позвонить, задать вопрос и тут же получить ответ. Диву даешься – сколько данных, фактов, имен она держит в памяти. А уж если речь заходит о металлургии!.. Накопленным материалом она делится без сожаления.

Труд деятельного исследователя отмечен различными наградами. Медаль к 100-летию со дня рождения Ленина, почетная грамота Министерства черной металлургии (1979 год), медаль к 100-летию со дня рождения Шолохова, множество грамот и благодарностей за краеведческую работу. Но особенно дорого ее сердцу благодарственное письмо нижегородских журналистов за работу, посвященную Ивану Ястребову, лауреату Госпремии, одному из создателей каски СШ-40.

Редкий день проходит у Надежды Алексеевны без обращения к любимому делу. Она внимательно читает прессу, следит за публикациями в местных газетах. И по сей день продолжает свою «работу над ошибками». Соглашается, что, возможно, где-то и перегибает палку, но по-другому она уже не может. Математический ум требует от краеведения математической точности.

В 2013 году вышла брошюра краеведа по истории Вильских заводов.

– Я поехала в Виллю, была в школе, в библиотеке. Написала небольшую работу. И она должна быть у руководителя поселка на столе, у историков в школе! А потом работайте, собирайте, дополняйте. Каждый руководитель поселения должен собрать и записать историю. Скажите мне, разве может краевед написать историю цеха лучше, чем начальник этого цеха, который там проработал 20 лет! Уходят же люди. А вместе с ними уходит и память об их времени. Надежда Алексеевна обращается ко мне как к вершителю в последней инстанции. Потому что именно эти ее слова должны стать лейтмотивом рассказа о ней. Вспоминая свою нелегкую жизнь, краевед на пороге солидного юбилея обращается к каждому, кто так или

иначе ответственен за сохранение исторического наследия. Потому что это наше главное богатство. Память человеческая – зеркало эпохи. И, рассказывая о себе, Надежда Князева постоянно напоминает мне: важно время, важны детали, важны те штрихи, которые в конечном итоге рисуют гигантское полотно человеческой истории.

Как жаль, что в наше время об этом мало думают и еще меньше в этом направлении делают...

**Беседовала Алена Баикина.
Выкса, 2013–2014 гг.**

P.S. Замечательная женщина, краевед, историк, человек, создавший летопись Выксы, Надежда Князева скончалась 4 марта 2016 года.